Пров

М. ГОРЬКІЙ
Л. Н. ТОЛСТОЙ
Н. ЩЕДРИНЪ

2 шк
Горький

ТРИ

РЕВОЛЮЦІОННЫЯ САТИРЫ

БЕРЛИНЪ
ИЗДАНІЕ ГУГО ШТЕЙНИЦА

3956
94

Пров 4

I.

Буревѣстникъ.

(Фантазія.)

М. ГОРЬКАГО.

Въ саду за окномъ моей комнаты по голымъ вѣтвямъ акацій прыгаютъ воробьи и оживленно разговариваютъ, а на конькѣ крыши сосѣдняго дома сидитъ почтенная ворона и, слушая говоръ сѣрыхъ пташекъ, важно покачиваетъ головой. Теплый воздухъ, пропитанный солнечнымъ свѣтомъ, приноситъ мнѣ въ комнату каждый звукъ, и я слышу торопливый и негромкій голосъ ручья, слышу тихій шорохъ вѣтвей, понимаю, о чемъ воркуютъ голуби на карнизѣ моего окна, и вмѣстѣ съ воздухомъ мнѣ въ душу льется музыка весны.

— Чикъ-чирикъ! говоритъ старый воробей, обращаясь къ товарищамъ. — Вотъ и снова мы дождались весны . . . . неправда-ли? Чирикъ-чирикъ!

— Фа-актъ, фа-актъ! — граціозно потягивая шею отзывается ворона.

Я хорошо знаю эту солидную птицу: она всегда выражается кратко и не иначе, какъ въ утвердительномъ смыслѣ. Будучи отъ природы глупой, она еще и пуганная, какъ большинство воронъ. Она занимаетъ въ обществѣ прекрасное положеніе и каждую зиму устраиваетъ что-нибудь благотворительное для старыхъ голубей. — Я знаю воробья: хотя съ виду онъ кажется легкомысленнымъ и даже либераломъ, но въ сущности это птица себѣ на умѣ. Онъ прыгаетъ около вороны съ виду почтительно, но въ глубинѣ души хорошо знаетъ ей цѣну и иногда не прочь разсказать о ней двѣ-три пикантныхъ исторіи.

А на карнизѣ окна молодой щеголеватый голубь горячо убѣждаетъ скромную голубку: я умру, умру отъ разочарованія, если ты не раздѣлишь со мной любовь мою.

— А знаете, сударыня, чижики прилетѣли! сообщаетъ воробей.

— Фа-актъ!

— Прилетѣли и шумятъ, порхаютъ, щебечутъ. . . Ужасно безпокойныя птицы. И синицы явилися за ними . . . какъ всегда, хе-

хе-хе! Вчера, знаете, я спросилъ въ шутку одного изъ нихъ: что, голубчикъ, вылетѣли? Отвѣтилъ дерзостью. . . Въ этихъ птицахъ совершенно нѣтъ уваженья къ чину, званію и общественному положенію собесѣдника. Я надворный воробей. . .

Но тутъ изъ-за угла трубы на крышу неожиданно явился молодой воронъ и вполголоса отрапортовалъ: „Внимательно прислушиваясь по долгу службы къ разговорамъ всѣхъ населяющихъ воздухъ, воду и нѣдра земли тварей и неукоснительно слѣдя за ихъ поведеніемъ, честь имѣю донести, что означенные чижики громко щебечутъ о всемъ и осмѣливаются надѣяться на якобы скорое обновленіе природы“.

— Чикъ-чирикъ, воскликнулъ воробей, безпокойно оглядываясь на доносителя.

А ворона благонамѣренно покачала головой.

— Весна уже была, она была уже не однажды, — сказалъ воробей. А на счетъ обновленія всей природы это . . . конечно пріятно . . . если происходитъ съ разрѣшенія тѣхъ силъ, коимъ надлежитъ сіе вѣдать.

— Фа-актъ, сказала ворона, окинувъ собесѣдника благосклоннымъ окомъ.

— Къ вышеизложенному долженъ добавить, — продолжалъ воронъ, — означенные чижики выражали недовольство по поводу того, что ручьи, изъ которыхъ они утоляютъ жажду, якобы мутны, нѣкоторые же изъ нихъ дерзаютъ даже мечтать о свободѣ. . .

— Ахъ, это они всегда такъ! воскликнулъ старый воробей. Это отъ молодости у нихъ, это ничуть не опасно! Я тоже былъ молодъ и тоже мечталъ о . . . . ней. Разумѣется, скромно мечталъ. . . Но потомъ это прошло. Явилась другая „она“, болѣе реальная . . . хе-хе-хе . . . и знаете, болѣе пріятная, болѣе необходимая воробью . . . хе-хе!

— Э-гмъ! раздалось внушительное кряхтенье. На вѣтвяхъ липы явился дѣйствительный статскій снигирь, онъ милостиво раскланялся съ птицами и заспорилъ.

— Э-н-не, замѣчаете-ли вы, господа, въ воздухѣ пахнетъ чѣмъ-то, э?

— Весенній воздухъ, ваше —ство, сказала воробей.

А ворона только склонила голову на бокъ и каркнула звукомъ нѣжнымъ, какъ блеяніе овцы.

— Н-да . . . вчера за винтомъ тоже говорилъ одинъ потомственный почетный филинъ

. . . чѣмъ-то, говоритъ, пахнетъ. . . А я отвѣчаю: замѣтимъ, понюхаемъ, разберемъ. Резонно, э?

— Точно такъ, ваше —ство.

— Вполнѣ резонно, почтительно согласился старый воробей. Всегда, ваше —ство, надо подождать. Солидная птица всегда ждетъ.

На проталину сада спустился съ неба жаворонокъ и, озабоченно бѣгая по ней, забормоталъ:

— И заря своей улыбкой нѣжно гаситъ въ небѣ звѣзды . . . ночь блѣднѣетъ, ночь трепещетъ, и какъ ледъ на солнцѣ — таетъ тьмы ночной покровъ тяжелый. Какъ легко и сладко дышитъ сердце, полное надежды, встрѣчѣ свѣта и свободы. . .

— Это что за птица? спросилъ снигирь, прищуриваясь.

— Жаворонокъ, ваше —ство, строго сказалъ воронъ изъ-за трубы.

— Поэтъ, ваше —ство! снисходительно добавилъ воробей.

Снигирь искоса посмотрѣлъ на поэта и прохрипѣлъ:

М-м. . . какой сѣрый . . . прохвостъ! Онъ что-то тамъ на счетъ солнца, свободы прошелся, кажется?

— Такъ точно, ваше —ство! подтвердилъ воронъ, — занимается возбужденіемъ неосновательныхъ надеждъ въ сердцахъ молодыхъ птенцовъ, ваше —ство.

— Предосудительно и . . . глупо!

— Совершенно справедливо, ваше —ство, отозвался старый воробей, — глупо-съ! Свобода, ваше —ство, суть нѣчто неопредѣленное и, такъ сказать, неуловимое. . .

— Однако, если не ошибаюсь, вы сами къ ней . . . взывали?

— Фа-актъ! вдругъ крикнула ворона.

Воробей смутился.

— Дѣйствительно, ваше —ство, однажды воззвалъ . . . но при смягчающихъ вину обстоятельствахъ. . .

— А! . . то есть какъ?

— Послѣ обѣда, ваше —ство! подъ вліяніемъ, т. е. подъ давленіемъ винныхъ паровъ. . . И съ ограниченіемъ воззвалъ, ваше —ство!

— То есть, какъ?

— Тихо сказалъ: да здравствуетъ свобода! и тотчасъ же громко добавилъ: въ предѣлахъ законности.

Снигирь посмотрѣлъ на ворона.

— Такъ точно, ваше —ство, отвѣтилъ воронъ.

— Я, ваше —ство, будучи надворнымъ воробьемъ, не могу себѣ позволить серьезнаго отношенія къ вопросу о свободѣ, ибо сей вопросъ не значится въ числѣ разрабатываемыхъ вѣдомствомъ, въ которомъ я имѣю честь служить. . .

— Фа-актъ! снова каркнула ворона. Ей все равно, что̀ подтверждать.

А по улицѣ текли ручьи и пѣли тихую пѣснь о рѣкѣ, куда они вольются въ концѣ пути и о своемъ будущемъ:

— Широкія, быстрыя волны насъ примутъ, обнимутъ и въ море съ собой унесутъ и снова, быть можетъ, насъ въ небо поднимутъ горячаго солнца лучи, а съ неба мы снова на землю падемъ прохладной росою въ ночи, снѣжниками или обильнымъ дождемъ.

Солнце великолѣпное, ласковое солнце весны улыбается въ ясномъ небѣ улыбкою бога, полнаго любви, пылающаго страстью творчества.

Въ углу сада, на вѣтвяхъ старой липы сидитъ стайка чижиковъ, и одинъ изъ нихъ

вдохновенно поетъ товарищамъ гдѣ-то слышанную имъ пѣсню о Буревѣстникѣ:

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо рѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ, — и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ — жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей, — стонутъ, мечутся надъ моремъ и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей.

И гагары тоже стонутъ, — имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ. . . Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ, и поютъ, и пляшутъ волны къ высотѣ, навстрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва стонутъ волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ

вѣтеръ стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ, — гордый, черный демонъ бури, — и смѣется, и рыдаетъ. . . Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома, — чуткій демонъ, — онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца, — нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ. . . Громъ грохочетъ. . .

Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

— Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря! . . .

II.

Топоровъ.

(Непропущенная цензурой XXVII гл. 2-ой части романа „Воскресеніе".)

Л. ТОЛСТОГО.

Должность, которую занималъ Топоровъ, по назначенію своему составляла внутреннее противорѣчіе, не видѣть котораго могъ только человѣкъ тупой и лишенный нравственнаго чувства. Топоровъ обладалъ обѣими этими отрицательными свойствами. Противорѣчіе, заключавшееся въ занимаемой имъ должности, состояло въ томъ, что назначеніе его должности, состояло въ поддерживаніи и защитѣ внѣшними средствами, не исключая и насилія, той церкви, которая по своему же опредѣленію установлена самимъ Богомъ и не можетъ быть поколеблена ни вратами ада, ни какими бы то ни было человѣческими усиліями. Это то божественное и ничѣмъ непо-

колебимое божеское учрежденіе должно было поддерживать и защищать то человѣческое учрежденіе, во главѣ котораго стоялъ Топоровъ съ своими чиновниками. Топоровъ не видѣлъ этого противорѣчія или не хотѣлъ его видѣть и потому очень серьезно былъ озабоченъ тѣмъ, чтобы какой-нибудь ксендзъ, пасторъ или сектантъ не разрушилъ ту церковь, которую не могутъ одолѣть врата ада. Топоровъ, какъ и всѣ люди, лишенные основного религіознаго чувства, сознанія равенства и братства людей, былъ вполнѣ увѣренъ, что народъ состоитъ изъ существъ совершенно другихъ, чѣмъ онъ самъ, и что для народа необходимо нужно то, безъ чего онъ очень хорошо можетъ обходиться. Самъ онъ въ глубинѣ души ни во что не вѣрилъ и находилъ такое состояніе очень удобнымъ и пріятнымъ, но боялся, какъ бы народъ не пришелъ въ такое же состояніе, и считалъ, какъ онъ говорилъ, священной своей обязанностью спасать отъ этого народъ.

Такъ же, какъ въ одной поваренной книгѣ говорится, что раки любятъ, чтобъ ихъ варили живыми, онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, и не въ переносномъ смыслѣ, какъ это вы-

раженіе понималось въ поваренной книгѣ, а въ прямомъ, — думалъ и говорилъ, что народъ любитъ быть суевѣрнымъ.

Онъ относился къ поддерживаемой имъ религіи такъ, какъ относится куроводъ къ падали, которою онъ кормитъ своихъ куръ: падаль очень пріятна, но куры любятъ и ѣдятъ ее, и потому ихъ надо кормить падалью.

Разумѣется, всѣ эти Иверскія, Казанскія и Смоленскія — очень грубое идолопоклонство, но народъ любитъ это и вѣритъ въ это, и поэтому надо поддерживать эти суевѣрія. — Такъ думалъ Топоровъ, не соображая того, что ему казалось, что народъ любитъ суевѣрія только потому, что всегда находились и теперь находятся такіе жестокіе люди, каковъ и былъ онъ, Топоровъ, которые, просвѣтившись сами, употребляютъ свой свѣтъ не на то, на что они должны бы употреблять его, — на помощь выбивающемуся изъ мрака невѣжества народу, а только на то, чтобы закрѣпить его въ немъ.

Въ то время, какъ Нехлюдовъ вошелъ въ его пріемную, Топоровъ въ кабинетѣ своемъ бесѣдовалъ съ монахиной-игуменьей, бойкой

аристократкой, которая распространяла и поддерживала православіе въ Западномъ краѣ среди насильно пригнанныхъ къ православію уніатовъ.

Чиновникъ по особымъ порученіямъ, находившійся въ пріемной, разспросилъ Нехлюдова объ его дѣлѣ и, узнавъ, что Нехлюдовъ взялся передать прошеніе сектантовъ государю, спросилъ его, не можетъ ли онъ дать просмотрѣть прошеніе. Нехлюдовъ далъ прошеніе, и чиновникъ съ прошеніемъ пошелъ въ кабинетъ. Монахиня въ клобукѣ, съ развѣвающимся вуалемъ и тянущимся за нею чернымъ шлейфомъ, сложивъ бѣлыя съ ощищенными ногтями руки, въ которыхъ она держала топазовыя четки, вышла изъ кабинета и прошла къ выходу. Нехлюдова все еще не приглашали войти. Топоровъ читалъ прошеніе и покачивалъ головой. Онъ былъ непріятно удивленъ, читая ясно и сильно написанное прошеніе.

Если только оно попадетъ въ руки государя, оно можетъ возбудить непріятные вопросы и недоразумѣнія, подумалъ онъ, дочитавъ прошеніе. И, положивъ его на столъ, позвонилъ и приказалъ просить Нехлюдова.

Онъ помнилъ дѣло этихъ сектантовъ, у него было уже ихъ прошеніе. Дѣло состояло въ томъ, что отпавшихъ отъ православія христіанъ увѣщевали, а потомъ отдали подъ судъ, но судъ отправдалъ ихъ. Тогда архіерей съ губернаторомъ рѣшили, на основаніи незаконности брака, разослать мужей, женъ и дѣтей въ разныя мѣста ссылки. Вотъ эти то отцы и жены просили, чтобы ихъ не разлучали. Топоровъ вспомнилъ объ этомъ дѣлѣ, когда оно въ первый разъ попало къ нему. И тогда онъ колебался — не прекратить ли его? Но вреда не могло быть никакого отъ утвержденія распоряженія о томъ, что бы разослать въ разныя мѣста членовъ семей этихъ крестьянъ; оставленіе же ихъ на мѣстахъ могло имѣть дурныя послѣдствія на остальное населеніе въ смыслѣ отпаденія ихъ отъ православія, при томъ же это показывало усердіе архіерея, и потому онъ далъ ходъ дѣлу такъ, какъ оно было направлено.

Теперь же, съ такимъ защитникомъ, какъ Нехлюдовъ, имѣвшимъ связи въ Петербургѣ, дѣло могло быть представлено государю особенно, какъ нѣчто жестокое, или попасть

въ заграничныя газеты, и потому онъ тотчасъ же принялъ неожиданное рѣшеніе.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ съ видомъ очень занятого человѣка, стоя встрѣчая Нехлюдова и тотчасъ же приступая къ дѣлу.

— Я знаю это дѣло. Какъ только я взглянулъ на имена, я вспомнилъ объ этомъ несчастномъ дѣлѣ, — сказалъ онъ, взявъ въ руки прошеніе и показывая его Нехлюдову.

— И я очень благодаренъ вамъ, что вы напомнили мнѣ о немъ. Это губернскія власти переусердствовали. . .

Нехлюдовъ молчалъ, съ недобрымъ чувствомъ глядя на неподвижную маску блѣднаго лица.

— И я сдѣлаю распоряженіе, что бы эта мѣра была отмѣнена и люди эти водворены на мѣсто жительства.

— Такъ что я могу не давать хода этому прошенію? — сказалъ Нехлюдовъ.

— Вполнѣ. Я вамъ обѣщаю это, — сказалъ онъ съ особеннымъ удареніемъ на словѣ „я“, очевидно, вполнѣ увѣренный, что его честность, его слово были самое лучшее ручательство. — Да лучше всего я сейчасъ напишу. Потрудитесь присѣсть.

Онъ подошелъ къ столу и сталъ писать. Нехлюдовъ, не садясь, смотрѣлъ сверху на этотъ узкій, плѣшивый черепъ, на эту съ толстыми синими жилами руку, быстро водящую перомъ, и удивлялся, зачѣмъ дѣлаетъ то, что онъ дѣлаетъ, и такъ озабоченно дѣлаетъ этотъ ко всему, очевидно, равнодушный человѣкъ? Зачѣмъ? . . .

— Такъ вотъ-съ, — сказалъ Топоровъ, запечатывая конвертъ: — объявите это вашимъ кліентамъ, прибавилъ онъ, поджимая губы въ видѣ улыбки.

— За что же эти люди страдали? — сказалъ Нехлюдовъ, принимая конвертъ.

Топоровъ поднялъ голову и улыбнулся, какъ будто вопросъ Нехлюдова доставилъ ему удовольствіе.

— Этого я вамъ не могу сказать. Могу сказать только то, что интересы народа, охраняемые нами, такъ важны, что излишнее усердіе къ вопросамъ вѣры не такъ страшно и вредно, какъ распространяющееся теперь излишнее равнодушіе къ нимъ.

— Но какимъ же образомъ во имя религіи нарушаются самыя первыя требованія добра — разлучаются семьи. . .

Топоровъ все такъ-же снисходительно улыбался, очевидно находя милымъ то, что говорилъ Нехлюдовъ. Что бы ни сказалъ Нехлюдовъ, Топоровъ все нашелъ бы милымъ и одностороннимъ съ высоты того, какъ онъ думалъ, широкаго государственнаго положенія, на которомъ онъ стоялъ.

— Съ точки срѣнія частнаго человѣка это можетъ представляться такъ, — сказалъ онъ, — но съ государственной точки зрѣнія представляется нѣсколько иное. Впрочемъ, мое почтеніе, — сказалъ Топоровъ, наклоняя голову и протягивая руку.

Нехлюдовъ пожалъ ее и молча, поспѣшно вышелъ, раскаиваясь въ томъ, что онъ пожалъ эту руку.

„Интересы народа“, — повторилъ онъ слова Топорова. „Твои интересы, только твои“, — думалъ онъ, выходя отъ Топорова.

И мыслью пробѣжавъ по всѣмъ тѣмъ лицамъ, на которыхъ проявлялась дѣятельность учрежденій, возстанавливающихъ справедливость, поддерживающихъ вѣру и воспитывающихъ народъ, — отъ бабы, наказанной за безпатентную торговлю виномъ, и малаго за воровство, и бродягу за бродяжничество, и

поджигателя за поджогъ, и банкира за расхищеніе, и тутъ же эту несчастную Лидію за то только, что отъ нея можно было получить нужныя свѣдѣнія, и сектантовъ за нарушеніе православія, и Гуркевича за желаніе конституціи, — Нехлюдову съ необыкновенной ясностью пришла мысль о томъ, что всѣхъ этихъ людей хватили, запирали или ссылали совсѣмъ не потому, что эти люди нарушали справедливость или совершали беззаконія, а только потому, что они мѣшали чиновникамъ и богатымъ владѣть тѣмъ богатствомъ, которое они собирали съ народа.

А мѣшала и баба, торговавшая безъ патента, и воръ, шляющійся по городу, и Лидія съ прокламаціями, и сектанты, разрушающіе суевѣрія, и Гуркевичъ съ конституціей. И потому Нехлюдову казалось совершенно ясно, что всѣ эти чиновники, — начиная отъ мужа его тетки, сенаторовъ и Топорова, до всѣхъ тѣхъ маленькихъ, чистыхъ и корректныхъ господъ, которые сидѣли за столами въ министерствахъ, — нисколько не смущались тѣмъ, что при такомъ порядкѣ страдали невинные, а были озабоченны только тѣмъ, какъ бы устранить всѣхъ опасныхъ.

Такъ что не только не соблюдалось правило о прощеніи десяти виновныхъ для того, чтобы не обвинить невиннаго, а напротивъ, такъ же какъ для того, чтобы вырѣзать гнилое, приходится захватить свѣжаго, — устранялись посредствомъ наказанія десять безопасныхъ для того, чтобы устранить одного истинно опаснаго.

Такое объясненіе всего того, что происходило, казалось Нехлюдову очень просто и ясно, но именно эта простота и ясность и заставляли Нехлюдова колебаться въ признаніи его. Не можетъ же быть, чтобы такое сложное явленіе имѣло такое простое и ужасное объясненіе, не могло же быть, чтобы всѣ тѣ слова о справедливости, добрѣ, законѣ, вѣрѣ, Богѣ и т. п. были только слова и прикрывали самую, грубую корысть и жестокость.

III.

Орелъ-меценатъ.

Сказка

Н. ЩЕДРИНА.

Поэты много объ Орлахъ въ стихахъ пишутъ и всегда съ похвалою. И статьи у Орла красоты неописанной, и взглядъ быстрый, и полетъ величественный. Онъ не летаетъ, какъ прочія птицы, а паритъ, либо ширяетъ; сверхъ того: глядитъ на солнце и споритъ съ громами. А иные даже надѣляютъ его сердце великодушіемъ. Такъ что, ежели, напримѣръ, хотятъ воспѣть въ стихахъ городового, то непремѣнно сравниваютъ его съ Орломъ. Подобно Орлу, говорятъ, городовой бляха № такой-то высмотрѣлъ, выхватилъ и, выслушавъ, простилъ.

Я самъ очень долго этимъ панегирикамъ вѣрилъ. Думалъ: вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, кра-

сиво! Выхватилъ и . . . простилъ! простилъ!? — вотъ что въ особенности плѣняло. Кого простилъ? — мышь!! Что такое мышь?! И я бѣжалъ впопыхахъ къ кому нибудь изъ друзей-поэтовъ и сообщалъ о новомъ актѣ великодушія Орла. А другъ-поэтъ становился въ позу, съ минуту сопѣлъ, и затѣмъ его начинало тошнить стихами.

Но однажды меня осѣнила мысль; съ чего же, однако, Орелъ „простилъ“ мышь? Бѣжала она по своему дѣлу черезъ дорогу, а онъ увидѣлъ, налетѣлъ, скомкалъ и . . . простилъ! Почему онъ „простилъ“ мышь, а не мышь „простила“ его?

Дальше — больше. Сталъ я прислушиваться и приглядываться. Вижу: что-то тутъ неблагополучно. Во первыхъ, совсѣмъ не затѣмъ Орелъ мышей ловитъ, чтобы ихъ прощать. Во вторыхъ, ежели и допустить, что Орелъ „простилъ“ мышь, то, право, было бы гораздо лучше, если бы онъ совсѣмъ ею не интересовался. И въ третьихъ, наконецъ, будь онъ хоть Орелъ, хоть архи-орелъ, все-таки онъ птица. До такой степени птица, что сравненіе съ нимъ и для городового можетъ быть лестно только по недоразумѣнію.

И теперь, я думаю объ Орлахъ такъ: Орлы суть Орлы, только и всего. Они хищны, плотоядны, но имѣютъ въ свое оправданіе, что сама природа устроила ихъ исключительно антивегетаріанцами. И такъ какъ они, въ то же время, сильны, дальнозорки, быстры и безпощадны, то весьма естественно, что при появленіи ихъ все пернатое царство спѣшитъ притаиться. И это происходитъ отъ страха, а не отъ восхищенія, какъ увѣряютъ поэты. А живутъ Орлы всегда въ отчужденіи, въ неприступныхъ мѣстахъ, хлѣбосольствомъ не занимаются, но разбойничаютъ, а въ свободное, отъ разбоя, время, дремлютъ.

Выискался, однако же, Орелъ, которому опостылѣло жить въ отчужденіи. Вотъ и говоритъ онъ, однажды, своей орлицѣ: „Скучно самъ другъ съ глазу на глазъ жить: смотришь цѣлый день на солнце — инда одурѣешь.“

И началъ онъ задумываться. Что больше думаетъ, то чаще и чаще ему мерещется: хорошо бы такъ пожить, какъ встарину помѣщики живали. Набралъ бы онъ дворню и зажилъ бы припѣваючи. Вороны бы сплетни ему переносили, попуги бы — кувыркались,

сорока бы кашу варила, скворцы величальныя пѣсни бы пѣли, совы, сычи да филины по ночамъ дозоромъ летали бы, а ястребы да соколы пищу бы ему добывали. А онъ бы оставилъ при себѣ одну кровожадность.

Думалъ, думалъ, да и рѣшился. Кликнулъ однажды ястреба, коршуна да сокола, и говоритъ имъ:

„Соберите мнѣ дворню, какъ встарину у помѣщиковъ бывало; она меня утѣшать будетъ, а я ее въ страхѣ держать стану. И мнѣ будетъ хорошо, а ей и того лучше.“

Выслушали хищники этотъ приказъ и полетѣли во всѣ стороны Орловъ приказъ выполнять. Закипѣло у нихъ дѣло не на шутку. Прежде всего, нагнали цѣлую уйму воронъ. Нагнали, записали въ ревизскія сказки и выдали окладные листы. Ворона птица плодущая и на все согласная. Главнымъ же образомъ, тѣмъ она хороша, что сословіе „мужиковъ“ представлять мастерица. А извѣстно, что ежели готовы „мужики,“ то дѣло остается только за деталями, которые ужь ничего не стоятъ скомпоновать. И вскомпоновали. Изъ коростелей и гагаръ духовой оркестръ собрали; попугаевъ скоморохами нарядили; со-

рокѣ-бѣлобокѣ, благо воровка она, ключи отъ казны препоручили, сычей да филиновъ заставили по ночамъ дозоромъ летать. Словомъ сказать, такую обстановку устроили, что хоть какому угодно дворянину не стыдно. Даже кукушку не забыли, въ гадалки при орлицѣ опредѣлили, а для кукушкиныхъ сиротъ воспитательный домъ учредили.

Но не успѣли порядкомъ дворовые штаты въ дѣйствіе ввести, какъ уже убѣдились, что есть въ нихъ какой-то пропускъ. Думали — думали, чтобы такое было, и наконецъ догадались: во всѣхъ дворняхъ полагаются науки и искусства, а у Орла нѣтъ ни тѣхъ, ни другихъ.

Три птицы, въ особенности, считали этотъ пропускъ для себя обиднымъ: снигирь, дятелъ и соловей?

Снигирь былъ малый шустрый и съ отроческихъ лѣтъ насвистанный. Воспитывался онъ первоначально въ школѣ кантонистовъ, потомъ служилъ въ полку писаремъ и, научившись ставить знаки препинанія, началъ издавать, безъ предварительной цензуры, газету „Вѣстникъ Лѣсовъ.“ Только никакъ приноровиться не могъ. То чего нибудь кос-

нется — анъ касаться нельзя; то чего нибудь не коснется — анъ касаться не только можно, но и надлежитъ. А его за это въ головку тукъ да тукъ. Вотъ онъ и замыслилъ: пойду въ дворню къ Орлу! Пускай онъ повелитъ безнаказанно славу его каждое утро возвѣщать!

Дятелъ былъ скромный ученый, и велъ строго уединенную жизнь. Ни съ кѣмъ никогда не видѣлся (многіе даже думали, что онъ запоемъ, какъ и всѣ серьезные ученые, пьетъ), но цѣлые дни сидѣлъ на сосновомъ суку, и все долбилъ. И надолбилъ онъ цѣлую охапку историческихъ изслѣдованій: „Родословная лѣшаго," „Была ли замужемъ Баба-Яга," „Какимъ поломъ надлежитъ вѣдьмъ въ ревизскія сказки заносить?" и проч. Но сколько ни долбилъ, издателя для своихъ книжицъ найти не могъ. Поэтому, и онъ надумалъ: пойду къ Орлу въ дворовые исторіографы! а вось либо онъ вороньимъ иждивеніемъ изслѣдованія мои отпечатаетъ! Что касается до соловья, то онъ на жизненныя невзгоды пожаловаться не могъ. Пѣлъ онъ искони такъ сладко, что не только сосны стоеросовыя, но и московскіе купцы, слушая

его, умилялись. Весь міръ его любилъ, весь міръ, притаивъ дыханіе, заслушивался, какъ онъ, забравшись въ древесную чащу, сладкими пѣснями захлебывался. Но онъ былъ сладострастенъ и славолюбивъ выше всякой мѣры. Мало было ему вольной пѣсней по лѣсу гремѣть, мало огорченныя сердца гармоніей звуковъ напоять. . . Думалось: Орелъ ему на шею ожерелье изъ муравьиныхъ яицъ повѣситъ, всю грудь живыми тараканами изукраситъ, а Орлица будетъ тайныя свиданія при лунѣ назначать. . . Словомъ сказать, пристали всѣ три птицы къ соколу: доложи да доложи!

Выслушалъ Орелъ соколиный докладъ о необходимости водворенія наукъ и искусствъ, и не сразу понялъ. Сидитъ себѣ да циркуетъ да когтями играетъ, а глаза у него, словно точеные камешки, глянцемъ на солнцѣ отливаютъ. Никогда онъ ни одной газеты не видывалъ; ни Бабой-Ягой, ни вѣдьмами не интересовался, а объ соловьѣ только одно слыхалъ: что эта птица малая, не стоитъ изъ за нея клювъ марать.

— „Ты, поди, не знаешь, что и Бонопартъ то умеръ?“ спросилъ его соколъ.

— Какой такой Бонапартъ?

— „То-то вотъ. А знать объ этомъ не худо. Ужо гости пріѣдутъ, разговаривать будутъ. Скажутъ: при Бонапартѣ это было, — а ты будешь глазами хлопать. Не хорошо.“

Призвали на совѣтъ сову, и та подтвердила, что надо науки и искусства въ дворняхъ заводить, потому что при нихъ и Орламъ занятнѣе живется, и со стороны посмотрѣть не зазорно. Ученье — свѣтъ, а не ученье — тьма. Спать-то да жрать всякій умѣетъ, а вотъ поди, разрѣши задачу „летѣло стадо гусей,“ — анъ дома не скажешься. Умные-то помѣщики, бывало, за битаго двухъ не битыхъ давали, — значитъ, пользу въ томъ видѣли. Вонъ чижикъ: только и науки у него, что ведерко съ водой таскать умѣетъ, а какія деньги за этакаго-то платятъ! — „Я въ темнотѣ видѣть могу, такъ меня за это мудрой прозвали; а ты и на солнце по цѣлымъ часамъ, не смигнувши, глядишь, а про тебя говорятъ: ловокъ Орелъ, а простофиля!“

— Что-жь, я не прочь отъ наукъ! цыркнулъ Орелъ.

Сказано — сдѣлано. На другой же день у Орла въ дворнѣ начался „золотой вѣкъ.“

Скворцы разучивали гимнъ „науки юношей питаютъ," коростели и гагары на трубахъ съигрывались, попугаи — новые кунштюки выдумывали. Съ воронъ опредѣлили новый налогъ, подъ названіемъ „просвѣтительнаго," для молодыхъ соколятъ и ястребятъ устроили кадетскіе корпуса, для совъ, филиновъ и сычей — академію де сіянсъ, да кстати ужь и воронятамъ купили по экземпляру азбуки — копѣйки. И въ заключеніе, самаго стараго скворца опредѣлили стихотворцемъ, подъ именемъ Василія Кирилыча Третьяковскаго, и отдали ему приказъ, чтобъ на завтра же былъ готовъ къ состязанію съ соловьемъ.

И вотъ вожделѣнный день наступилъ. Поставили предъ лицо Орла новобранцевъ-холоповъ и велѣли имъ хвастаться.

Самый большой успѣхъ достался на долю снигиря. Вмѣсто привѣтствія, онъ прочиталъ фельетонъ, да такой легкій, что даже Орлу показалось, что онъ понимаетъ. Говорилъ снигирь, что надо жить припѣваючи, а Орелъ подтвердилъ: именно. Говорилъ, что была бы у него розничная продажа хорошая, а до прочаго ни до чего ему дѣла нѣтъ, а Орелъ

подтвердилъ: именно! говорилъ, что холопское житье лучше барскаго, что у барина заботушки много, а холопу, за бариномъ, горюшки нѣтъ, а Орелъ подтвердилъ: именно! говорилъ, что когда у него совѣсть была, то онъ безъ штановъ ходилъ, а теперь, какъ у него совѣсти ни капельки не осталось, онъ разомъ по двѣ пары штановъ надѣваетъ, — а Орелъ подтвердилъ: именно!

Наконецъ, снигирь надоѣлъ.

— „Слѣдующій! — цыркнулъ Орелъ.

Дятелъ началъ съ того, что генеалогію Орла отъ солнца повелъ, а Орелъ съ своей стороны подтвердилъ: „и я въ этомъ родѣ отъ пеньки слышалъ.“ Было у солнца, говорилъ дятелъ, трое дѣтей: дочь Акула да два сына: Левъ да Орелъ. Акула была распутная — и ее за это отецъ въ морскія пучины заточилъ; сынъ Левъ отъ отца отшатнулся, — его отецъ владыкою надъ пустыней сдѣлалъ; а Орелко былъ сынъ почтительный, отецъ его поближе къ себѣ пристроилъ, воздушныя пространства ему во владѣнье отвелъ. Но не успѣлъ дятелъ даже введеніе къ своему изслѣдованію продолбилъ, какъ Орелъ въ нетерпѣніи кричалъ:

— „Слѣдующій! — Слѣдующій!“

Тогда запѣлъ соловей и сразу же осрамился. Пѣлъ онъ про радость холопа, узнавшаго, что Богъ послалъ ему помѣщика; пѣлъ про великодушіе Орловъ, которые холопамъ на водку не жалѣючи даютъ... Однако какъ онъ ни выбивался изъ силъ, чтобы въ холопскую ноту попасть, но съ „искусствомъ,“ которое въ немъ жило, никакъ совладать не могъ. Самъ то онъ сверху до низу холопъ былъ (даже подержаннымъ бѣлымъ галстукомъ гдѣ-то раздобылся, и головку барашковъ завилъ), да „искусство“ въ холопскихъ рамкахъ усидѣть не могло и безпрестанно на волю выпирало. Сколько онъ ни пѣлъ, — не потѣшаетъ Орла да и шабашъ! „Что этотъ дуралей бормочетъ!“ крикнулъ онъ наконецъ: „позвать Тредьяковскаго!“

А Василій Кирилычъ и тутъ какъ тутъ. Тѣ же холопскіе сюжеты взялъ, да такъ ихъ явственно изложилъ, что Орелъ только и дѣло что повторялъ: именно! именно! И въ заключеніе надѣлъ на Третьяковскаго ожерелье изъ муравьиныхъ яицъ, а на соловья сверкнулъ очами, воскликнувъ: „убрать негодяя!“

На этомъ честолюбивыя попытки соловья и покончились. Живо запрятали его въ куролеску и продали въ зарядье, въ трактиръ „Разставанье друзей," гдѣ и о сю пору онъ напояетъ сладкой отравой сердца захмѣлѣвшихъ „метеоровъ."

Тѣмъ не менѣе, дѣло просвѣщенія все-таки не было покинуто. Ястребята и соколята продолжали ходить въ гимназію; академія де сіянсъ принялась издавать словарь и одолѣла половину буквы А; дятелъ дописывалъ 10-й томъ исторіи лѣшихъ. Но снигирь притаился. Съ перваго же дня онъ почуялъ, что всей этой просвѣтительной сутолокѣ послѣдуетъ скорый и немилостивый конецъ, и, повидимому, предчувствія его имѣли довольно вѣрное основаніе.

Дѣло въ томъ, что соколъ и сова, принявшіе на себя руководительство въ просвѣтительномъ дѣлѣ, допустили большую ошибку: они задумали обучить грамотѣ самого Орла. Учили его по звуковому методу, легко и занятно, но какъ ни бились, онъ и черезъ годъ, вмѣсто „Орелъ" подписывался „Арефъ," такъ, что ни одинъ солидный заимодавецъ векселей съ такою подписью не принималъ. Но еще

большая ошибка заключалась въ томъ, что, подобно всѣмъ вообще педагогамъ, ни сова, ни соколъ не давали Орлу ни отдыха, ни срока. Каждоминутно слѣдовала сова по его пятамъ выкрикивая: бб... дд... зз... хх..., а соколъ, тоже ежеминутно, внушалъ, что безъ первыхъ четырехъ правилъ ариѳметики награбленную добычу раздѣлить нельзя.

— „Укралъ ты десять гусенковъ, двухъ письмоводителю квартальнаго подарилъ, одного самъ съѣлъ, сколько въ запасѣ осталось?“ съукоризною спрашивалъ соколъ.

Орелъ не могъ разрѣшить и молчалъ; но зло противъ сокола накоплялось въ его сердцѣ съ каждымъ днемъ больше и больше.

Произошла натянутость отношеній, которою поспѣшила воспользоваться интрига. Во главѣ заговора явился коршунъ и увлекъ за собой кукушку. Послѣдняя стала нашептывать Орлицѣ: „изведутъ они кормильца нашего, заучатъ!“ а Орлица начала Орла дразнить: ученый! ученый! Затѣмъ общими силами возбудили „дурныя страсти“ въ ястребѣ.

И вотъ однажды на зорькѣ, едва Орелъ глаза продралъ, сова, по обыкновенію, под-

кралась сзади и зажужжала ему въ уши: вв . . . зз . . . ррр . . .

— „Уйди, постылая!“ кротко огрызнулся Орелъ.

— Извольте, ваше степенство, повторить бб . . . кк . . . м . . .

— „Второй разъ говорю уйди!“

— Пп . . . хх . . . шш . . .

— „Въ третій разъ уйди!“

— Сс . . . фф . . . жж . . .

Въ одинъ мигъ повернулся Орелъ къ совѣ и разорвалъ ее на двое. А черезъ часъ, ничего не вѣдая, воротился съ утренней охоты соколъ.

— „Вотъ тебѣ задача, — сказалъ онъ; — награблено нынѣче за ночь два пуда дичины, ежели на двѣ ровныя части эту добычу раздѣлить, одну — тебѣ, другую — всѣмъ прочимъ челядинцамъ, — сколько на твою долю достанется?“

— Все, отвѣчалъ Орелъ.

— „Ты говори дѣло, — возразилъ соколъ: — Ежели бы „все,“ я бы и спрашивать тебя не сталъ!“

Не впервые такія задачи соколъ задавалъ; но на этотъ разъ тонъ, принятый имъ, пока-

зался Орлу невыносимымъ. Вся кровь въ немъ вскипѣла при мысли, что онъ говоритъ „все,“ а холопъ осмѣливается возражать: „не все.“ А извѣстно, что когда у Орловъ кровь закипаетъ, то они педагогическіе пріемы отъ крамолы отличать не умѣютъ. Такъ онъ и поступилъ.

Но покончивши съ соколомъ, Орелъ, однако, оговорился: — „А де сіянсъ академіи оставаться по прежнему!“

Опять пропѣли скворцы: „науки юношей питаютъ“ но для всѣхъ уже было ясно, что „золотой вѣкъ“ находится на исходѣ. Въ перспективѣ надвигался мракъ, невѣжество, съ своими обязательными спутниками: междоусобіемъ и всяческою смутою.

Смута началась съ того, что на мѣсто умерщвленнаго Сокола явилось два претендента: ястребъ и коршунъ. И такъ какъ вниманіе обоихъ соперниковъ было устремлено исключительно въ сторону личныхъ счетовъ, то дѣла дворни отошли на второй планъ, и начали мало по малу приходить въ запущеніе. — Черезъ мѣсяцъ отъ недавняго золотого вѣка не осталось и слѣдовъ. Скворцы залѣнились, коростели стали фальшивить, со-

рока-бѣлобока воровала безъ просыпу, а на воронахъ накопилась такая пропасть недоимокъ, что пришлось прибѣгнуть къ экзекуціи. Дошло до того, что даже пищу Орлу съ Орлицей начали подавать порченую.

Чтобъ оправдать себя въ этой неурядицѣ, ястребъ и коршунъ временно подали другъ другу руки и свалили всѣ невзгоды на просвѣщеніе. Науки де, безспорно, полезны, но лишь тогда, когда они благовременны. Жили де наши дѣдушки безъ наукъ и мы безъ нихъ проживемъ. . .

И въ доказательство, что весь вредъ отъ наукъ идетъ, начали открывать заговоры и непремѣнно такіе, чтобъ хоть часословъ да замѣшанъ въ нихъ былъ. Начались розыски, слѣдствія, судьбища.

— „Шабашъ!“ вдругъ раздалось въ вышинѣ.

Это крикнулъ Орелъ. Просвѣщеніе прекратило теченіе свое. Во всей дворнѣ воцарилась такая тишина, что слышно было какъ ползутъ по землѣ клеветническіе шопоты.

Первою жертвою этого новаго вѣянія палъ дятелъ. Бѣдная эта птица, ей богу, не ви-

новата была. Но она знала грамотѣ и этого было вполнѣ достаточно для обвиненія.

— „Знаки препинанія ставить умѣешь?“

— Не только обыкновенные знаки препинанія, но и чрезвычайные, какъ то: кавычки, тире, скобки — всегда, по сущей совѣсти, ставлю.

— „А женскій полъ отъ мужескаго отличить можешь?“

— Могу. Даже въ ночное время не ошибусь.

Только и всего. Нарядили дятла въ кандалы и заточили въ дупло на вѣчно. А на другой день онъ въ томъ дуплѣ, заѣденный муравьями, помре. Едва кончилась исторія съ дятломъ, какъ послѣдовалъ погромъ въ академіи де сіянсъ.

Однако-жь, сычи и филины защищались твердо: жалко имъ было съ теплыми казенными квартирами разставаться.

Говорили, что не того ради сіянсами занимаются, дабы ихъ распространять, а для того, чтобы отъ лихаго глаза ихъ оберегать. Но коршунъ сразу увертки ихъ опровергнулъ, спросивъ: „да сіянсы-то зачѣмъ?“ и они на этотъ вопросъ не отвѣтили (не ждали). Тогда

ихъ поштучно распродали огородникамъ, а послѣдніе, набивъ изъ нихъ чучела, поставили огороды сторожить. Въ это же самое время отобрали у воронятъ азбуку-копѣйку, истолкли оную въ ступѣ и изъ полученной массы надѣлали игральныхъ картъ.

Дальше — больше. За совами и филинами послѣдовали скворцы, коростели, попугаи, чижи. . . Даже глухого тетерева заподозрили въ „образѣ мыслей“ на томъ основаніи, что онъ днемъ молчитъ, а ночью спитъ. . .

Дворня опустѣла. Остались Орелъ съ Орлицею и при нихъ ястребъ да коршунъ. А вдали — масса воронья, которая безсовѣстно плодилась. И чѣмъ больше плодилась, тѣмъ больше накоплялось на ней недоимокъ.

Тогда коршунъ съ ястребомъ, не зная кого изводить (воронье въ счетъ не полагалось), стали изводить другъ друга. И все на почвѣ наукъ. Ястребъ донесъ, что коршунъ, по секрету, читаетъ часословъ, а коршунъ съябедничалъ, что у ястреба въ дуплѣ „новѣйшій пѣсенникъ“ спрятанъ.

Орелъ смутился. . .

Но тутъ произошло нѣчто необыкновенное. Увидѣвъ, что онѣ остались безъ призора,

вороны вдругъ спохватились: „а что бишь на этотъ счетъ въ азбукѣ-копѣйкѣ сказано?“ И не успѣли порядкомъ припомнить, какъ тутъ же снялись всѣмъ стадомъ съ мѣста и полетѣли.

Погнался за нимъ Орелъ, да не тутъ-то было: сладкое помѣщичье житье до того его изнѣжило, что онъ едва крыльями могъ шевелить.

Тогда онъ повернулся къ Орлицѣ и возгласилъ: „Сіе да послужитъ Орламъ урокомъ!“

Но что означало въ данномъ случаѣ слово „урокъ,“ то ли что просвѣщеніе для Орловъ вредно, или то, что Орлы для просвѣщенія вредны, или, наконецъ, и то и другое вмѣстѣ — объ этомъ онъ умолчалъ.